

ИРИНА ПЕРЕСАДА

РАССКАЗЫ

Выбор

Мужчина, поздоровавшись, уверенно прошел в кабинет. Сел в кресло, закинул ногу за ногу и своими абсолютно круглыми глазами внимательно обвёл комнату.

– Неплохо тут у вас, уютно, – наконец резюмировал он. Потом также внимательно рассмотрел психолога Анну. – Вы мне тоже нравитесь, кажется, с вами можно иметь дело.

Она улыбнулась и в тон ему ответила:

– Спасибо, вы мне тоже симпатичны. Кажется, с вами приятно иметь дело, – потом, услышав со стороны двусмысленность своей фразы, удивилась себе, но спокойно продолжила. – Очевидно, речь пойдет о любовной истории.

– Да, вы правы. Все остальные свои дела я решаю сам. Любовные, впрочем, тоже. Но сейчас я запутался. Мне нужна помощь.

– Расскажите, – мягко сказала она. От мужчины исходила невероятная мужская энергетика, и Анна неожиданно поняла, что ей совсем не хочется выслушивать его историю, а хочется оказаться совсем в другом месте, где она могла бы позволить своей голове кружиться, а телу блаженно расслабиться. Но...

– Я начну сначала.

– Конечно, так будет проще.

– Хорошо. Дело в том, что я никогда не хотел жениться, – помолчав, начал он. – Мне было вполне достаточно практически ежедневных любовных приключений. И знаете, я не прилагал для этого никаких усилий.

– Верю, – ответила Анна, все больше попадая под его обаяние.

– Вы же видите, что я – урод, и это – мягко говоря. – Он внимательно оглядел свои руки. – Я маленького роста, ноги кривые, руки лопатой, пальцы, как сосиски. Хорошо ещё, что я долго занимался боксом и айкидо. Накачал мышцы, да и спина распрямилась. А в школе я был худым и кривым. Но девочки всегда вешались на меня, и я никак не мог понять, почему. Правда, я был отличником. Но в отличников влюбляются редко, а в таких уродов, как я – тем более. Потом мне надоело задавать себе этот вопрос «почему?», и я просто принял факт – я самый крутой и сексуальный тип в школе. Потом та же история продолжилась и в институте. Посмотрите на меня – глаза круглые и навывкате, как у рака, нос до подбородка. К девятнадцати годам волосы на голове вылезли полностью, – у него действительно была потрясающая лысина, абсолютно круглая и блестящая, словно тщательно отполированная. – После института начали выпадать один за другим зубы. Но этот вопрос современной стоматологией решается быстро. – Мужчина улыбнулся, демонстрируя великолепные зубы, которые действительно выглядели, как настоящие. – Импланты. Дорого, правда, но это того стоит. В немецкой клинике мне и создали эту роскошь. У меня тогда уже был свой бизнес, дела шли хорошо и в стране, и за рубежом. Сколько лет прошло, а зубы как новенькие. Кстати, там же, в Германии мне хирурги предлагали подправить внешность. Но я не согласился – кто его знает, в чём моя удача? Может, в моём уродстве? Ну, так вот, годам к двадцати шести мои родители решили меня женить. Сами невесту подыскали. Я долго брыкался – зачем себе добровольно жизнь портить? Но они меня уговорили хотя бы посмотреть на невесту. Я посмотрел и впервые в жизни влюбился. Она была не просто красавицей, она была чудом. И имя у неё

было красивое и нежное – Нушаба, как будто специально созданное для неё. Сыграли свадьбу. После третьего ребёнка я понял: кроме детей, нас ничего не связывает. Влюблённость прошла, а любовь так и не пришла. Она оставалась такой же милой и ласковой, удивительно красивой, но воздушная романтическая юная девушка превратилась в обычную домашнюю клушу. Ей были нужны только дети. Она тряслась над ними, видя опасность буквально во всём. И если бы не моё спартанское воспитание – они были бы потеряны для общества. Я тоже сумасшедший папа, но в другой крайности. Дети должны быть сильными, смелыми и добрыми. Сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, как, должно быть, страдали мои сыновья, испытывая на себе такие разные подходы к воспитанию. Все внимание отдавалось детям, а наши личные отношения словно застыли на какой-то мертвой точке. Через семь лет мы развелись. Знаете, она даже не стала подавать на алименты: «Ты и без алиментов детям последнее отдашь, зачем что-то ещё?» Действительно, я оставил им дом с садом в пригороде, машину – слава Богу, она научилась её водить. На имя детей положил деньги на депозит – тогда давали сумасшедшие проценты. А себе купил большую квартиру в новостройке в городе. Сначала пробовал вернуться к прежней жизни, но не получилось. Повзрослел, наверно.

Алию я встретил через полгода после развода. Она была полной противоположностью моей жене. Энергичная, серьёзная и глубокая. Она работала редактором в центральной газете. Я не скажу, что она была красива, но её светло-карие глаза всегда смотрели так спокойно и понимающе, что ты как будто отдыхал в её взгляде. Алия была единственной из всех женщин, которую я завоевывал. Она сопротивлялась два месяца, а потом – помчалась тройка с бубенцами! Кстати, тройка была на самом деле. Я пригласил её в Москву на масленицу. В тот год было очень холодно и снежно. Мои друзья устроили нам катание на тройке в санях. То ли кони были причиной, то ли мороз, который заставил её утонуть в моих объятиях, но крепость пала. И я вам скажу: осада того стоила. Возвращались мы вместе уже ко мне домой. Новые отношения закрутили меня и крутили до того незабываемого апрельского дня.

Мужчина замолк, закрыв глаза. Потом выпил стакан воды, снова налил его и продолжил.

– В тот день я зашёл по делам в министерство. Довольно быстро всё уладил и решил повидаться с другом, который работал тут же. Спустился на его этаж, отыскал комнату в запутанных коридорах власти и вошел. Был обеденный перерыв, в комнате было шумно и весело. То, что случилось потом, итальянцы называют «удар молнии». Девушка сидела на столе и светилась в лучах яркого солнца. Распущенные волосы создавали ореол вокруг её тоненькой фигурки. Словно волшебная бабочка опустилась на стол и замерла. А я остолбенел под этим ударом молнии, я понял, что пропал. Ещё не видя её лица, я знал, что люблю его, что больше мне ничего не нужно и что это навсегда. Нармин тоже была поражена, но моим уродством. Правда, как и остальные женщины, она через пять минут после знакомства перестала замечать его. Через неделю я сделал ей предложение. Через две я познакомился с её родителями, через четыре месяца была назначена свадьба. Её отец, вероятно, поняв во мне старого ловеласа, поставил условие: «Дочь мою до свадьбы трогать не смей – убью». Я не стал спорить и дал слово – до нашей свадьбы я её не трону. Да и зачем было торопиться? Я наслаждался нашими встречами, разговорами, мимолётными прикосновениями, которые с ней были для меня слаще, чем обладание. Я познакомил Нармин со всеми моими друзьями. Однако они очень настороженно приняли её – ещё свежи были мои восторги по поводу Алии.

– Да, а что же Алия?

– В тот же апрельский день я сказал ей, что полюбил другую девушку и женюсь на ней. Она ничего не ответила, а только посмотрела на меня. В её глазах впервые я увидел растерянность и смятение вместо обычного спокойствия. Она быстро со-

брала вещи и немного помедлила в дверях. Я ничего не сказал. А что было говорить? Прости? Я – подлец? Но я не чувствовал никакой вины. Я уже любил другую. Я был переполнен новым чувством. Я был счастлив.

– Наверное, это было жестоко.

– Возможно, но я этого не чувствовал. Я был честен с ней и с собой. И я ещё не делал предложение Алие. Мне не в чем было винить себя. За месяц перед свадьбой мой бизнес рухнул. Знаете, это отдельный разговор. Хакерская атака на деловую переписку, один из западных партнёров мощно подставил меня. Все деньги со счетов были сняты и уплыли в неизвестном направлении. Концы потом так и не нашли. Но самым большим ударом оказался отказ Нармин выходить за меня замуж. Я лихорадочно искал выхода после потери бизнеса, и у меня начал вызревать план нового дела. Восстанавливать старое я не хотел. Если Аллах закрывает один путь, нужно найти новый. Во время одной из встреч с Нармин я начал делиться с ней своими планами, но она не став слушать и, отводя в сторону глаза, сказала:

– Отец говорит, что мне не стоит выходить замуж за голодранца с тремя детьми. Я привыкла к комфорту. А ты не сможешь мне это обеспечить.

Честно говоря, я сначала и не понял, о ком идёт речь, и глупо переспросил:

– За какого голодранца?

– За тебя.

– Нармин, какое это имеет значение? Мы же любим друг друга, это главное. А деньги, бизнес – это решаемо.

– Папа говорит, что только в сказках с милым рай в шалаше. А в жизни нужно многое другое.

– Нармин, ты любишь меня?

– Да, люблю, но это не важно.

Она не смотрела на меня, как я ни старался поймать её взгляд. На все мои доводы, аргументы и факты она отвечала одним:

– Папа говорит, что не нужно.

– Нармин, но ведь только на те свадебные украшения, что я купил тебе, можно открыть небольшой бизнес.

– Ты хочешь забрать их? Вот, я принесла, – она быстро открыла сумочку и достала аккуратный пакет. – Возьми, здесь всё.

Наш разговор был на эстакаде, уходящей в море. Я взял пакет, размахнулся и забросил его подальше в волны. Со стороны, я сейчас понимаю, это был театральный жест, но тогда я словно отбросил от себя тот ужас, который меня охватил при отказе Нармин.

– Правильно папа говорит, ты – ненормальный. Псих! И хорошо, что я не выхожу за тебя замуж! – она резко развернулась и побежала к берегу.

Я пил долго. По-черному. Без просыпу. В минуты прояснения в голове звучали её слова: «Хорошо, что я не выхожу за тебя замуж», и я снова напивался. Однажды, когда я спустился в магазин за очередной порцией водки, я встретил Гулама. Это был старый добрый знакомый, из тех, с кем приятно раскланиваться, но близких отношений не получается.

– Слушай, что с тобой? В каком ты виде? Я думал, ты летаешь от счастья, а ты еле ползаешь.

– С чего бы мне летать?

– Да у вас же вот-вот родится малыш. Алиа такая счастливая ходит, вся светится.

– Кто?!

Он внимательно посмотрел на меня.

– О, да здесь всё так запущено. Вы что, расстались?

– С кем?

– С Алиёй.

Я стал медленно трезветь. Алия должна родить? От кого? В тумане я попытался посчитать сроки. Кажется, всё совпадало. Ребёнок действительно должен быть мой. Я взял Гулама за грудки, потряс и потребовал:

– Рассказывай!

– Ниджат, это ты должен рассказывать. Что я знаю? Алия на сносях. Я думал, это ваш ребёнок.

– Ребёнок наш. Мой. Только я не знал об этом. Где она?

– Ниджат, проспись, потом сам всё выяснишь. Я-то причём?

Дома я долго стоял под холодным душем, наблюдая, как хмель понемногу выходит из головы. Потом оделся, зашел в парикмахерскую в нашем же доме и побрился. Выпуклые глаза ещё больше выпячивались на похудевшем сером лице. Лысина потускнела, как зеркало под влиянием времени. Только приличный костюм и свежая сорочка из старых запасов придавали мне сносный вид.

Дверь открыла Алия. Она попятилась, одной рукой прикрыв рот, а второй держась за большой живот.

– Кто? Мальчик?

– Я не знаю. Кого Бог даст.

– Мальчик. А почему молчала?

– У тебя же невеста, свадьба. Зачем тебе это? – она выразительно показала на живот.

– У меня ничего нет. Ни невесты, ни бизнеса. Я голодранец с тремя детьми. Уже скоро с четырьмя, – теперь я показал на её живот. – Правда, квартира осталась. Поедем домой?

Она посмотрела мне в глаза, и я увидел там такую нежность и любовь, что задохнулся от поднявшегося к горлу кома, упал на колени и разрыдался. Я никогда в жизни не плакал, даже в детстве, не знал, что это такое. А сейчас, обнимая её живот, рыдая в голос, я почувствовал огромное облегчение и счастье, которых никогда не испытывал раньше.

Алия родила через три дня. Мальчика. Мы с ней успели сходить в загс, там, увидев её живот, расписали сразу. Так что сын родился в нормальной семье, с мамой и папой. Перед загсом я ей сказал:

– У меня сейчас ничего нет – ни денег, ни бизнеса, я не смогу обеспечить тебе нужный комфорт.

– У тебя есть мы с ребёнком, у нас есть ты. Разве этого мало? У нас есть наш дом. Это уже много. А у меня есть работа. Думаю, прорвёмся куда-нибудь.

С рождением моего четвёртого сына жизнь стала стремительно налаживаться. Моя идея оказалась гениальной, не буду скромничать. Бизнес снова пошел в гору. Я купил загородный дом по соседству с моей первой семьёй, и мы туда переехали. Нушаба приняла Алию очень тепло, чему я удивился и очень обрадовался. Для старших сыновей младший оказался любимой игрушкой. Они его нянчили, а когда чуть подрос – стали учить играть и воспитывать.

Мужчина снова выпил воды, достал сигареты, потом спрятал их.

– Я всё время забываю, что бросил курить. А пачку ношу так.

– На всякий случай?

– Вот-вот. Ну, я продолжу. В роду моего отца всегда рождались только мальчики. Даже в семейных легендах не было ни слова о девочках. У отца пятеро братьев. У меня два брата, у братьев только сыновья. А тут мне захотелось дочку. Прямо до боли. Когда Алия забеременела во второй раз, я каждый день гладил её живот и разговаривал с дочкой.

– Слушай, Ниджат, а если снова мальчик? Представляешь, какая травма будет у ребёнка – с ним общались как с девочкой, а он оказался мальчишкой.

Определять пол ребёнка Алия категорически отказалась.

– Кого Бог даст, того и даст.

Вторую беременность Алия переносила плохо, приходилось все время ездить в город наблюдаться у врача. К концу её беременности мы снова переселились в городскую квартиру, чтобы быть поближе к врачам. Где-то за неделю до срока родов я ранним утром поехал за город к детям и малыша взял с собой. Алия плохо спала ночью и заснула только под утро. Чтобы её не тревожить, я запер дверь на замок, который открывался только снаружи. Было воскресенье, погода стояла прекрасная, мы с мальчишками поехали на море, погоняли в футбол. Потом позавтракали в кафе, каждый рассказывал мне свои новости. Они знали, что скоро у них должен появиться братик или сестренка, знали, как я хочу девочку, и с энтузиазмом фантазировали, как они будут заботиться о ней, защищать от плохих людей и диких животных, как научат играть в футбол. Я несколько раз звонил жене, но телефон был отключён – наверное, она спала. К часу дня не ответил и городской телефон. Мне стало тревожно. Оставил малыша Нушабе и помчался в город. Лифт не работал – в доме не было электричества, и аварийный генератор тоже почему-то не подключили. Я взлетел на одиннадцатый этаж, отпер дверь. Алия стояла в прихожей, прислонившись к стене.

– Ниджат, как только ты ушёл, у меня начались схватки. На моём телефоне села батарейка и городской тоже не работал, потому что вырубил свет. Я не смогла выйти – дверь была заперта. Пыталась с балкона позвать соседей, но рядом никто не живет. Ниджат, звони в «скорую», я рожаю.

Я заорал как сумасшедший:

– Терпи, не торопись! Сейчас врачи приедут!

Пока я звонил в «скорую», потом братьям, Алия стала оседать на пол.

– Ниджат, не волнуйся. Я рожаю. Скорей принеси простыни, я уже не дойду до кровати. – Я помчался в спальню, схватил матрас и несколько простыней, принес их в прихожую и уложил Алию. – Не бойся, милый, соберись, нужно принять роды.

Алия застонала, а мне стало страшно. Как?!?! Как я могу принять роды? Я не знаю, что это такое!

– Аленька, родная, ну, потерпи немного, врачи едут уже.

– Я рожаю...

В этот момент внутри меня что-то вспыхнуло, и я воскликнул, обращаясь к небесам:

– Господи, если даёшь такое испытание, дай силы, чтобы пройти его, дай умение, чтобы помочь жене!

И как отклик в голове вдруг зазвучал голос покойной бабушки, и всплыла молитва, которой она нас учила в детстве:

– Пророк сказал, что молитва эта – Аль-Фатиха – избавляет от всех болезней, кроме смерти, запомните её и всегда обращайтесь с ней к Аллаху:

Бисмил-ляхи рахманирахим.

Аль-хамдулилл-ляхирабиль-алямин.

Ар-рахманирахим.

Мяликияумид-дин...

Во имя Аллаха, Всемилостивого и Милосердного,

Хвала – Аллаху, Господу миров.

Всемилостив и Милосерден Он один,

Дня судного один Он Властелин...

Я стал в голос читать её, а Алия протяжно закричала, и я увидел, как что-то показалось из её чрева. И в эту минуту вселенское спокойствие снизошло на меня, а моими руками словно стал водить опытный акушер. Я понял, что выходит головка ребёнка, стал мягко поглаживать её, и она постепенно продвигалась вперёд. Алия

снова закричала, и головка вышла наружу. Редкие светлые волосики покрывали её. Этот миг остался у меня в памяти, словно фотография, сделанная навечно. Я чувствовал, как ребёнок стремится наружу, и нежными точными движениями помогал ему. В какой-то момент, ощутив бессилие Алии, я закричал:

– Тужься, Алия, тужься! Родная, ты сильная! Мы сможем, мы уже смогли!

Показались плечики, и вместе с водой вынырнуло тельце. Я поймал его, схватил простыню, обернул, и в этот момент ребёнок закричал. Мне чётко послышалось в его крике:

– Молодец, папа! Спасибо, мама!

– Кто, Ниджат? – слабо спросила Алия.

– Я не знаю...

– Ну, посмотри.

Я раскрыл простыню и не увидел того, что на обычном месте видел у своих сыновей. Сначала я опешил, а потом сообразил:

– Аленька, это дочка... – слёзы полились из глаз, и снова включились все эмоции. Я положил девочку на грудь жене, стараясь не пережать пуповину, которая от ребёнка уходила в чрево матери, и обнял их обеих.

Тут отворилась входная дверь – слава Богу, что я не захлопнул её – и на пороге показалась бригада врачей из «скорой помощи». За ними я увидел испуганные лица своих братьев. Потом доктора говорили, что мне нужно дать две медали: первую – за мужество, оказывается, многие мужчины, решив присутствовать при родах жены, позорно падают в обморок. А вторую медаль – за высочайший профессионализм в принятии родов. Девочка была абсолютно здорова, и у Алии не было ни одного разрыва. Их отвезли в клинику. Я порывался сразу же ехать с ними, и братья еле убедили меня принять душ и переодеться. В ванной в зеркале я увидел своё лицо – перепачканное, испуганное, но одновременно блаженно-счастливое.

Имя для дочери я придумал заранее – Умида. В переводе с арабского оно означает «желанная». Кроме меня, никто не верил, что родится девочка, даже Алия, поэтому я ни с кем и не советовался, выбирая имя. Однако оно понравилась всем, а сыновья стали называть сестрёнку Умка, она и вправду походила на смешного медвежонка. С этого дня со мной произошла трансформация – я стал ощущать жену частью самого себя. Если бы меня спросили, люблю ли я её, я и не ответил бы сразу. Как можно любить свою голову или своё сердце? Но отними их – и жизнь закончится. Интересно, что Алия ощущала то же самое – мы стали одним целым с двумя телами.

Мужчина замолчал, погрузившись в себя. Его странное лицо осветил внутренний свет, и оно стало красивым и одухотворенным. Через пару минут он встрепенулся, возвращаясь в настоящее, и продолжил:

– У меня есть одна привычка, уж и не знаю, хорошая или плохая, но я никогда не выбрасываю никакие рабочие бумаги. Они все подшиты и хранятся в архиве. У нас в офисе есть такая комната, и в ней всегда идеальный порядок. Как-то мне понадобилась информация ещё со старой фирмы, я нашёл нужную папку и стал листать документы. Совершенно неожиданно на одном листе в верхнем углу я увидел городской номер телефона и имя – Нармин. Буду честен – я вспоминал её иногда, и сразу возникло лёгкое сожаление, какое, вероятно, бывает у детей, когда они понимают, что волшебство остаётся в сказке, а в жизни происходит совсем иное. После разрыва я удалил из телефона все номера Нармин и никогда не ездил по той улице, где она жила. В нашем городе невозможно и квартала пройти, чтобы не встретить парутройку знакомых, но за все эти годы я ни разу не встретил Нармин. Ни на улице, ни в ресторанах, ни на концертах, ни на бульваре. Сейчас, когда передо мной лежал номер её телефона, меня охватило неодолимое желание услышать её голос, и я позвонил. Ответила сама Нармин.

– Привет, это я. Как ты?

Я ожидал чего угодно, кроме того, что услышал:

– Слава Богу! Наконец! Я так ждала тебя, так мечтала увидеть, так хотела услышать твой голос. Наконец! Я поняла тогда, что люблю тебя сильнее, чем думала, а потом поняла, что я просто не могу жить без тебя, – она выпалила это скороговоркой, словно боялась, что не успеет высказаться.

– А почему сама не позвонила?

– Я не смогла, – она помолчала. – Боль в твоих глазах в тот вечер была такой сильной, что душа разрывалась от мысли – от моего звонка тебе станет ещё хуже. И что я могла предложить тебе? Отец категорически был против, даже не хотел говорить на эту тему. А как я могла переступить через него? Я удалила твои телефоны, чтобы не запомнить их. Я сменила работу – министерство на аэропорт.

– И вышла замуж.

– Нет! Я не могу ни на кого смотреть, я не могу ни о ком думать, кроме тебя. И так все эти годы. Приезжай сейчас, – Нармин назвала место встречи.

– Нармин, я голодранец с пятью детьми.

– С пятью? Ты женат?

– Да, и счастливо, – тут я вдруг понял, что я действительно счастливо женат.

– Неважно. Ты позвонил, ты хочешь меня видеть. Я тоже. Я хочу быть с тобой.

– Нармин, но я не смогу обеспечить тебе комфорт, к которому ты привыкла,

– Прости меня, я была дура дурой. Приезжай!

И я поехал. Нармин изменилась за эти годы. Исчезли девичья непосредственность и обаяние юности. Но появились глубина в глазах и обаяние женщины, познавшей любовь и заплатившей за это большую цену. Нармин взяла меня за руки и заглянула в глаза. Взглядом она пыталась проникнуть в меня, словно искала там моё прежнее чувство и ответы на свои вопросы. Я мягко отстранил её и открыл дверцу машины.

– Я вижу, ты не бедствуешь, судя по классу автомобиля.

– Нармин, с тобой я – голодранец с кучей детей.

– У меня умер отец, а мама давно мечтает выдать меня замуж. Женихов много, ведь я завидная невеста. После отца остался бизнес, половина которого – моя. Всем управляет брат. Он способный и абсолютно честен со мной. Я работаю, потому что мне нужно занять себя, да и жизнь в аэропорту бурлит. В этом кипении мне удаётся забыть о тебе. Но теперь мы будем вместе.

Я пытался разобраться в себе. От прежнего удара молнии остался только пепел, но из него, кажется, была готова возродиться птица Феникс. Мы стали встречаться. Каждое утро я подвозил её на работу. Иногда мы виделись и по вечерам. Но я – человек открытый, мне очень сложно прятаться, опасаться, что кто-то может узнать о наших отношениях и рассказать Алие. А этого я не мог допустить: причинить боль жене – это причинить боль самому себе. И я ни за что, ни при каких условиях не променял бы мою семью на Нармин. Так продолжалось довольно долго. Нармин расцвела, глаза её светились, в ней появилась грация счастливой женщины. Я любовался ею, испытывая чувства Пигмалиона, увидевшего ожившую Галатею. Но отношения не могут застыть на одном уровне – это ведёт к концу, всегда необходимо развитие. А я не стремился к этому. Нармин заговорила первая.

– Наверное, нам нужно расстаться. Ты многое мне даёшь, но я чувствую – наши встречи уже ни к чему не приведут. А я тоже хочу семью и детей, хочу найти себя и в таких отношениях. А пока ты рядом, это невозможно с другим.

Мужчина снова замолчал. Психолог воспользовалась паузой и спросила:

– А почему она не хочет родить от вас?

– Она хочет, но я не сплю с ней. Я не могу предать жену.

– А ваши встречи – это что?

– Это не предательство, это дань прошлому, в котором остался узел. Это попытка его развязать. А ребёнок только завяжет новые узлы. Хотя я безумно люблю

своих детей.

– И что, вы развязали узел?

– Для себя да. Но для Нармин он затянулся ещё туже.

– А в чём вы хотите совета?

– Как нам с ней расстаться?

– Вы уже расставались прежде.

– Тогда она резала по живому. Но даже я, сильный мужчина, чуть не сломался.

Меня спасли Алия и сын. А что делать ей, хрупкой женщине? Я думаю, может, нам постепенно свести на нет наши встречи? Сначала встречаться через день, потом через два, потом через три, потом...

– Вы уже составили график?

– Не иронизируйте. У неё сейчас трудный период – она расстанётся с любимым человеком, и ей нужна поддержка. Кто, кроме меня, сможет ей помочь? Я не могу быть подлецом и оставить её в трудную минуту.

Анна опешила.

– С кем она расстанётся?

– С любимым человеком.

– А кто он?

– Это я.

– А кто её хочет поддерживать?

– Тоже я.

– Для того, чтобы не расставаться?

Мужчина удивился.

– Для того чтобы помочь ей преодолеть кризис.

– Скажите, а если вы будете рядом, как вы расстанетесь?

– Вот в этом я и запутался. Если я уйду – я буду подлецом, оставившим женщину в беде. Если останусь помогать ей – мы не расстанемся, и я буду подлецом, который мешает ей наладить личную жизнь.

Психолог в очередной раз поразила изощрённости игры человеческого ума. Этот сильный, умный мужчина придумал себе задачу, которую сам не может решить.

– Как я понимаю, подлецом вы будете считать себя в любом варианте. А вы сами чего хотите?

– Я? – он задумался. – Я хочу быть со своей семьёй. Вы знаете, как мы все дружно живем! Алия, Нушаба и наши дети. Мы ходим в гости друг к другу, вместе отдыхаем, вместе путешествуем. Если бы ещё и Нармин могла бы быть с нами. Я был бы абсолютно счастлив. Но это невозможно. Что мне делать?

– Оставьте себе то, что возможно. И отпустите то, что должно уйти.

– Но она же будет страдать.

– Если бы страдания не были нужны человеческой душе, Господь не допустил бы их. Страдания очищают душу и делают сильнее тех, кто преодолел их.

– А по-другому разве нельзя?

– Можно. Ведь у Нармин был выбор. Остаться с вами или послушаться отца.

Она выбирала между любовью и послушанием.

– Она не могла его послушаться.

– И получила страдание. И у Алии тоже был выбор – сделать аборт или подарить жизнь ребёнку от любимого человека. Она выбрала жизнь, и жизнь подарила ей счастье. С любимым.

– Да, это так.

– И у Нушабы тоже был выбор – встать в позу и порвать с вами все отношения, кроме материальных, или принять вашу новую жену и детей. Она выбрала второе и получила крепкие семейные связи и поддержку.

– И это так.

– И у вас есть выбор – семья, спокойствие детей и чистая совесть или тайное развязывание узлов прошлого, которые завязываются всё туже. Помните, что сделал Александр Македонский с узлом?

– Разрубил его.

– Быстро и надёжно. И получил награду, а не страдание. Выбор всегда за нами, главное – взять ответственность на себя и быть готовым к последствиям своего выбора, принять их как неизбежное. Счастье или страдание, пустота или жизнь. Выбирайте.

– Знаете, в делах я руководствуюсь именно этим принципом. Но бизнес – это игра. А жизнь...

– Законы одни. И выбор всегда за нами.

Мужчина встал. Анна протянула руку, он наклонился и поцеловал её.

– Спасибо вам. Я пойду. Рубить узлы.

Начало и конец

1

Риад оглянулся по сторонам и, не увидев никого на тихой улице, помчался вприпрыжку, высоко подбрасывая папку с нотами. Какая-то сумасшедшая мелодия бурлила во всём теле и радостно вырывалась из горла;

– Ля-ля-Айла, ля-ля-Айла, ля-ля-ля!

В жаркий ленивый послеобеденный час никто не выглянул в окно, чтобы посмотреть на юного влюблённого, который голосит во всю мощь молодых лёгких, прославляя неведомую Айлу. Возможно, лишь древние старушки заулыбались в своих продавленных креслах, вспоминая весенние годы. Риад до того увлёкся своей песней и полудиким танцем, что не заметил, как за ним притормозил автомобиль и мужской голос окликнул:

– Риад! Сын! Риад!

Наконец слова прорвались сквозь его бушующую радость, и он замер.

Из окна «Волги» на него, улыбаясь, смотрел отец.

– Садись, вместе домой поедем.

Риад опустил на заднее сиденье, радуясь, что до дому остался всего лишь квартал, и не надо будет объяснять отцу причину своих плясок посреди дороги. Однако отец догадался сам:

– Влюбился, сынок?

– Последний экзамен сдал!

Отец скептически оглянулся:

– Ну-ну... Хорошо, что последний, а то людям отдыхать мешаешь.

Риад даже самому себе не смог бы ответить, как и когда он влюбился в Айлу, студентку с параллельного курса. А сегодня он, наконец, осознал, что состояние бурлящей радости, восторга и счастья появлялось в нём не просто так, а тогда, когда на дальнем горизонте появлялась Айла. Когда же она появлялась на ближнем горизонте, его охватывали полное онемение тела и лёгкое помрачение рассудка. Назвал вещи своими именами Алекс, друг Риада:

– Слушай, а ты же не на шутку влюбился.

– В кого? – глупо спросил Риад, пытаясь примерить на себя слово «влюбился».

– Я сначала не мог понять, ведь эти три подружки как приклеенные везде вместе ходят. Потом понял – в Айлу, самую длинноногую из них.

Риад удивлённо посмотрел на Алекса, а потом ещё глупее переспросил:

– Влюбился, да? Это точно?

– Ну, брат, ты даёшь! – засмеялся друг, – вечером встретимся, поговорим.

Алекс убежал домой, а Риад сел на скамейку в сквере и задумался. Неужели это и есть любовь? Когда невероятная фантастическая музыка сама звучит в тебе, счастье расширяет грудь, а ноги, наполнившись какой-то сладкой слабостью, подкашиваются, когда Айла идёт по коридору... Пазл сложился. Он влюблён. В Айлу, это точно! Открытие окрылило парня, и он понёсся домой, перейдя в неистовый пляс на тихой родной улице.

Отец больше не стал его расспрашивать ни в машине, ни за обедом.

Риад не был «ботаником», хотя, возможно, и стал бы им, если бы не отец.

Мать парня обожала Шекспира и была страстной поклонницей оперной музыки. Она с самых первых дней замужества мечтала стать счастливой матерью оперной звезды – певца, или певицы, или дирижёра, или, на худой конец, первой скрипки в оркестре. Однако её старший сын категорически отказался заниматься музыкой, предпочитая футбол и шахматы. Потом у него проявились недюжинные математические способности, он стал победителем нескольких всесоюзных школьных олимпиад и его пригласили учиться в крутом интернате для особо одаренных детей при Московском университете. Родители и порадовались, и посокрушались одновременно, но согласились на его переезд, чтобы не ломать судьбу будущему великому математику. После его отъезда мать стала воплощать свою мечту во втором сыне, то есть в Риаде. Он не сопротивлялся, в музыкальную школу ходил с удовольствием, а особенно ему нравились концерты, когда он, сыграв какую-то пьесу на своей скрипочке, долго кланялся под аплодисменты восторженной публики, состоящей в основном из родителей и ближайших родственников юных исполнителей. Однажды Риада перед концертом увидел отца. Мальчик стоял в коридоре, готовый к выходу, и поджидал маму, наводящую последние штрихи красоты перед зеркалом. На Риаде были белая сорочка с красным галстуком-бабочкой, чёрные шортики и чёрные лаковые туфельки с белыми носочками. Волосы аккуратно разделены боковым пробором и залакированы. Пай-мальчик со скрипочкой. У отца округлились глаза, но он ничего не сказал перед концертом, зато после него, закрывшись с матерью в гостиной, о чём-то долго и возмущённо говорил с ней. Риад напрягал весь свой музыкальный слух, но смог разобрать лишь некоторые слова: я не позволю... это мужчина, а не...талант... я сам займусь...

Он ничего не понял по сути разговора, но с того дня из его жизни исчезли шортики, галстуки-бабочки, лак на волосы, уступив место крутым джинсам, распахнутым сорочкам и какой-то невысказанной стрижке, которую ему сделал парикмахер отца. Отец стал возить его с собой в любое время года на дачу, приучая к мужским занятиям – пилить, строгать, мыть машину, разводить костёр, сажать деревья. Риаду нравились эти перемены, но ему было немного жаль маму, когда она после их возвращения с дачи, нежно брала его руки в свои, разглядывая появившиеся царапины, целовала их, потом мыла душистым мылом, смазывала кремом, повторяя при этом:

– У мальчика талант, как ты этого не понимаешь! Он будет большим музыкантом.

– Ничего страшного, музыкант тоже может быть нормальным мужчиной, – неизменно отмечал отец.

Музыку и скрипку Риад бросать не собирался. Он был абсолютно доволен своей жизнью. В ней была музыка, были мужская дружба с отцом, нежность матери, друзья и поездки к брату. Но когда ему исполнилось пятнадцать лет, в жизни появился ещё один важный аспект. Отец, поздравляя его с днём рождения, протянул конверт.

– Здесь билеты на самолёт. Ты с дядей летишь в Ленинград.

– О, здорово! Там сейчас уже белые ночи, музеи, театры!

– И это тоже, – сказал отец, странно посмотрев на него.

Когда через неделю они с дядей уже сидели в самолёте, тот рассказал Риаду об основной цели визита в северный город.

– Понимаешь, парень, твой отец волнуется за тебя, он хочет, чтобы ты стал настоящим мужчиной. Он считает, что твоя музыка может тебя не туда завести.

– Куда не туда? – удивился Риад.

– Твой отец видит два варианта развития событий. Первый: ты романтик, поэтому влюбиться можешь в любой момент и в кого угодно. Примешь первую страсть за любовь на все времена, захочешь жениться, пойдут дети, потом прозрение, развод, депрессия... В общем, проблемы...

– Я не понял, почему развод, депрессия?

– Дослушай, а потом будешь задавать вопросы.

– Ладно, продолжай.

– Второй вариант: среди артистов много этих... – дядя замялся, – ну, этих самых...

– Голубых, что ли?

– Ты продвинул, мужик. Правильно, их.

– И отец боится, что я стану одним из них? Но я не хочу быть голубым!

– А кто хочет? – философски заметил дядя. – Жизнь так складывается. И вот твой отец поручил мне познакомить тебя с другой стороной жизни, чтобы не прошёл ни первый, ни второй вариант.

– Я ничего не понимаю, – растерянно протянул парень. – Что мы будем делать?

– Знаешь, – решительно ответил дядя, – буду говорить прямо. Мы едем к девочкам, чтобы они научили тебя всему.

– Каким девочкам? Чему всему? – Риад продолжал недоумевать.

– Бог мой! К проституткам! Отец твой хочет, чтобы ты стал мужчиной во всех смыслах, – дядя, наконец, выдохнул и откинулся на спинку самолётного кресла.

– А что у нас в городе нет проституток?

– Есть, конечно, но они все знакомые, светить тебя не хочется, – ответил дядя и прикусил губу, поняв, что ляпнул лишнего.

– Тебе знакомые или отцу?

– Мне, естественно, – дядя взял тяжесть вины на себя. – А в Питере ещё и музеи есть, и театры, и концерты, и белые ночи...

– И это тоже, – повторил Риад слова отца.

– Ну, сын, как прошло твоё путешествие? – спросил Риادا отец, встречая их с дядей в аэропорту.

– Спасибо, папа, хорошо. Тебе всё рассказать? – ответил парень, делая ударение на слове «всё» и глядя отцу в глаза. Тот сделал вид, что ничего не заметил.

– Ну и прекрасно, я рад.

Больше вопросов о поездке ни он, ни мать не задавали.

После того лета Риад изменился. Он стал сдержан в эмоциях, немногословен и язвителен. И почему-то чувствовал себя трёхлеткой, которого до смерти напоили самогоном. Каждому овощу своё время...

Риад окончил школу и поступил в консерваторию. К тому времени он хорошо ориентировался в закулисной жизни своего города, был искушён в плотской любви, начал зарабатывать деньги, но сердце его молчало. Он даже уверил себя, что любви нет на этом свете, и все красивые сказки про неё пишутся ради привлечения читателя и хорошего гонорара.

А сегодня он вдруг понял, что всё, что происходило с ним в последнее время, оказывается, и есть любовь... или влюбленность... Удивительно, но он не мог сказать, что ему нравилось больше – сама Айла или тот внутренний полёт, который вызывало её присутствие. К вечеру позвонил Алекс.

– Слушай, друг, сегодня у нас встреча с тремя подружками на бульваре. В семь будь в нашем кафе, закажи что-нибудь лёгкое, а я подойду с ними.

– С какими подружками?

– Запоминай – Айла, Джейла и Шейла. Здорово имена подобрались, да?
– Это с ней? – холодея, спросил Риад. – Я не смогу...
– Ты псих? Я сегодня полдня старался ради тебя, уламывал их на свидание, а ты отказываешься?

– Алекс, я правда не смогу... У меня ноги немеют, когда она близко, и голова плывёт. Я вообще могу умереть... Погибнуть...на заре жизни...

– Риад! Не дури, в семь в кафе. Всё! – и друг дал отбой.

В шесть часов Риад зашёл в кафе, заказал уютный столик на веранде под чинарой, цветы девушкам и оставил задаток.

– Завтра расплачусь полностью, – сказал он знакомому официанту. – Алексу скажи, что я заболел и денег с него не бери. Но так... наедине, чтобы девушки не слышали...

Официант кивнул и улыбнулся.

Весь вечер Риад просидел на балконе, высматривая друга, будучи уверен, что тот обязательно зайдёт. Около полуночи он увидел на улице фигуру Алекса, направляющегося к его дому. Риад быстро спустился и уже в дверях подъезда столкнулся с ним.

– Ты сумасшедший! Я так тебя расписал – умница, красавец, комсомолец, а ты – трус!

– Тише, друг, давай во двор выйдем, здесь всё слышно.

Во дворе Алекс протянул ему две фотокассеты.

– Вот возьми, это я девчонок нащёлкал, для тебя старался. Айлу больше всего снимал, надеюсь, она не решила, что я запал на неё. Прояви и распечатай для всех. Я был как на арене цирка весь вечер, даже на пианино играл и пел вместе с ними.

– Да? Там есть пианино?

– Представь себе, нашлось. Хотя я его раньше тоже не замечал.

– Алекс, спасибо тебе. Мне надо привыкнуть, всё так сразу... Я завтра сделаю фото и позвоню тебе.

Фотографии получились действительно превосходные, Алекс умел выстраивать кадр. Несколько фото Айлы Риад сделал большого размера и оставил у себя. Остальные занёс другу.

– Слушай, какой я молодец, – воскликнул Алекс, перебирая карточки. – Может, мне фотографией заняться? Посмотри, как здорово! Сейчас девчонкам позвоню. – Джейлочка, привет! Дома не ругали за позднее возвращение? Ну и славно. Ваши фото готовы. Знаешь, супер получились! Сегодня будем ждать вас на том же месте в тот же час и в прежнем составе. Риад уже выздоровел, тоже будет... Что ты говоришь? Сегодня уже улетает? Ах, как жаль! Ну, тогда вдвоём приходите... Всё, лады, ждём.

Алекс положил трубку и сказал, обращаясь к Риаду:

– Айла сегодня с родителями улетает. Такой шанс упустил, чувак! А сегодня пойдешь в кафе?

– Конечно, – сказал повеселевший Риад. – Надо же отметить окончание курса.

Всё лето Риад рисовал. Сначала он долго смотрел на фотографии Айлы, любясь ею. Потом попробовал изобразить её шариковой ручкой на тетрадном листочке в клетку, в конце концов, зашёл в магазин для художников, купил специальную бумагу, угольные карандаши и уже профессионально, как ему казалось, стал рисовать её портреты. С каждым новым рисунком она становилась всё более и более похожей и всё более прекрасной. Тонкое подвижное лицо, высокий лоб, изящный восточный нос с лёгкой горбинкой, пухлые детские губы, родинка над левой губой, копна густых волос... А глаза Риад прорисовывал в последнюю очередь. Длинные чёрные ресницы прикрывали их глубину, придавая взгляду таинственность и обещание... Однажды в его комнату неожиданно зашёл Алекс, и Риад не успел спрятать рисунок. Друг внимательно и долго смотрел на портрет, потом задумчиво произнёс:

– Я понял сейчас две вещи. Первая – красота действительно в глазах любящего. Вторая – у тебя талант, дорогой! Что ты раньше не рисовал?

Риад улыбнулся.

– Повода не было.

Первого сентября в понедельник начался последний учебный год в консерватории. Риад увидел в коридоре Алекса, болтающего с тремя подружками, и подошёл к ним.

– С праздником знаний!

Одна из девушек игриво воскликнула:

– О, Риад! Друг Алекса, который сначала заболел, потом распечатал нам фотки, а затем устроил потрясающую вечеринку на бульваре!

– Он самый, – улыбнулся Риад и посмотрел на Айлу. Но в этот момент она, от-
вернувшись, махала кому-то рукой. «Всё, – решил для себя парень. – До конца этой
недели я признаюсь ей и... сделаю предложение!»

На выходе из консерватории Риад увидел дядю.

– Привет! Какими судьбами? Что ты тут делаешь?

Дядя засмеялся:

– Выполняю маленькое, но ответственное поручение.

– И как?

– Уже выполнил, всё нормально! Пошли к вам, я страшно проголодался, вме-
сте пообедаем.

В пятницу, собрав всё своё мужество, смелость, храбрость и решительность, уняв дрожь в теле и слабость в ногах, Риад после занятий подошёл к Айле. Она ждала своих подружек на скамейке во дворе, и парень присел рядом.

– Айла, я люблю тебя и прошу стать моей женой, – выпалил он и посмотрел ей
в лицо.

От неожиданности девушка вздрогнула, потом надменно прищурилась, огля-
дела парня с головы до ног и с презрением произнесла:

– Ты себя в зеркало видел? Нет? Иди посмотри внимательно, жених! Со свиным
рылом да в калашный ряд! – она фыркнула, гордо поднялась, откинула на спину не-
послушные волосы и, не оборачиваясь, пошла к двери института.

Как долго Риад просидел на скамейке, переживая мучительную боль в груди,
как долго он потом шёл домой, как долго поднимался по лестнице на третий этаж, –
он не помнил. Отец уже был дома. Он позвал сына в гостиную, закрыл дверь и ска-
зал:

– Сын, я всё знаю про эту девушку.

– Уже? – парень в изумлении поднял глаза. – Откуда?

– Ты думаешь, такую кипу портретов можно скрыть в нашей маленькой квар-
тире? – улыбнулся мужчина. – Дядя всё узнал про Айлу. Она из хорошей семьи. Если
хочешь жениться, мы посватаем её. И, как говорится, совет да любовь!

– Это уже не актуально, отец. Я рожей не вышел для их хорошей семьи. Тема
закрыта.

– Подожди, объясни толком, что произошло?

– Ничего. Тема закрыта, все остались при своих, – с горечью произнёс парень
и, чтобы скрыть слёзы, быстро вышел из комнаты.

Он заперся в ванной и внимательно стал разглядывать в зеркале своё лицо.
Нормальное лицо, не Аллен Делон, но и ничего от свиного рыла. А усы, которые он от-
пустил за лето, так и вовсе роскошные... Да причём тут лицо! Причём тут зеркало! Он
же ЛЮБИТ её! И будет любить всегда! И сможет сделать всё, чтобы она была счаст-
лива. Это его девушка, почему же она не поняла этого? ...Может, ещё раз попробо-
вать? Но невыносимая боль снова поднялась в груди, сжала горло, и парень отступил
– нет, так нет!

*Будь так умна, как зла. Не размыкай
Зажатых уст моей душевной боли.
Не то страданья, хлынув через край,
Заговорят внезапно поневоле.*

*Хоть ты меня не любишь, обмани
Меня поддельной, мнимую любовью.
Кто доживает считанные дни,
Ждет от врачей надежды на здоровье.*

*Презреньем ты с ума меня сведешь
И вынудишь молчание нарушить.
А злоречивый свет любую ложь,
Любой безумный бред готов подслушать.*

*Чтоб избежать позорного клейма,
Криви душой, а с виду будь пряма!*

В.Шекспир. Сонет 140

2

В свои тридцать пять лет Риад занимал солидную должность в мэрии своего города – начальник Отдела музыкальных учреждений. Большим музыкантом он не стал. Принял участие в трёх-четырёх всесоюзных конкурсах, занял места, далёкие от начала списка призёров, и решил строить карьеру в административной сфере. И это получилось у него весьма неплохо. Сейчас у него был уютный кабинет, милая секретарша и власть решать многие музыкальные вопросы, в том числе и назначения на определённые должности. В тот майский день в его кабинет вошёл посетитель – высокий худой мужчина в дорогом светлом костюме, который висел на нём, как банное полотенце на крючке. Он протянул руку и представился. Риад пригласил его сесть в кресло и сам устроился напротив.

– Чем могу быть вам полезен?

– Дело в том, что последние пять лет я служил советником в нашем посольстве в Египте. Естественно, моя семья жила со мной. Жена не работала, у нас были маленькие дети. В настоящее время меня перевели в министерство, – он назвал должность, – и какой-то срок, думаю лет пять-шесть, мы будем жить здесь. Дети подросли, и жена хочет работать. Она окончила консерваторию, даже концертировала немного, но потом замужество и отъезд. Я пришёл к вам с просьбой. Я был бы вам признателен и весьма благодарен, если бы ей досталось какое-нибудь вакантное место директора музыкальной школы.

– Скажите, у вашей жены есть какой-нибудь опыт работы на подобной должности?

– Нет, я же сказал вам, мы долгое время жили за границей.

– То есть опыта работы у неё совсем нет?

– Практически нет.

– И вы предполагаете, что она справится?

– Не боги горшки обжигают.

– Насчёт горшков верно. Но мы говорим о детях и музыкальной школе.

– Я же сказал вам, что моя благодарность будет соответствующей.

– Это не моё дело, простите, а в МИДе так же назначают специалистов?

– Это действительно не ваше дело, – жёстко ответил посетитель.

– Согласен. Далее, мне необходимо поговорить с вашей женой, ведь это она хочет работать, не вы.

– Она зайдёт к вам завтра. Если вам удобно, в одиннадцать часов.

– Мне было бы удобней в девять утра, – Риад решил немного сбить спесь с дипломата.

– Хорошо, остальное обсудим после интервью, – и посетитель вышел, слегка кивнув ему.

– Ах, какая цаца, интервью! – разозлился Риад и вызвал секретаршу. – Завтра в девять придёт женщина, поддержи её в приёмной минут двадцать-тридцать, без чая и кофе. – Секретарша кивнула и вышла, а Риад сел за рабочий стол, почему-то недовольный собой.

Утром в 9.00 он включил громкую связь:

– Ко мне есть посетители?

– Да, вас ожидают.

– Пожалуйста, извинитесь. У меня неожиданное селекторное совещание. Думаю, минут через пятнадцать-двадцать я освобожусь.

Через двадцать пять минут Риад в третий раз закончил перебирать бумаги на столе и пригласил посетительницу, учтиво встав ей навстречу. В кабинет вошла женщина в ярком цветном костюме. Риад даже не успел разглядеть её, как у него неожиданно больно сжалась сердце, а по груди разлилось чувство тоски. «Что за странность? Что со мной?» – подумал мужчина и внимательно посмотрел на посетительницу. Женщина была примерно его лет, среднего роста, с фигурой, расплывшейся то ли от изобильной еды, то ли от неподвижной жизни. Полные руки с дорогими кольцами на пальцах, длинные толстые ноги в босоножках на высоком каблуке, восточный нос с лёгкой горбинкой, заплывшие щёки, полные губы с родинкой над левой губой... Родинка! Над левой губой...

– Айла? – воскликнул он, поражённый её преображением. Женщина поняла его возглас по-другому.

– Да, это я, – кокетливо произнесла она, уверенная в неизгладимом впечатлении, которое произвела на прежнего воздыхателя.

Риад жестом пригласил её присесть, стараясь незаметно помассировать грудь под пиджаком, чтобы унять неожиданную боль. Айла подошла к креслу, слегка покачиваясь на каблуках и вызывая опасение за устойчивость грузной фигуры.

– Здравствуй, Риад! Я рада, что ты вспомнил меня, – медленно произнесла она, глядя прямо ему в глаза.

– Здравствуй...те...

– Почему так официально? Ведь когда-то...

– Ваш муж сказал, что вы ищите работу.

– Я не ищу, мне она нужна, и ты решишь этот вопрос.

– Директором школы не могу назначить, меня просто не поймут, даже за большие деньги. А если завучем?

– А что должен делать завуч?

– Судя по вопросу, с тем, что должен делать директор, вы знакомы, – съязвил Риад.

– Хватит выкать, давай перейдём на ты.

– Зачем?

– Чтобы было проще договориться.

– Хорошо. Завуч тебя устраивает? – медленно, подстраиваясь под её тон, спросил мужчина. – Что делать, тебе объяснят более опытные товарищи. А о том, какие документы необходимы, расскажет моя секретарша.

– Красивая девушка. Ты с ней спишь?

– Твой вопрос переходит границы дозволенного.

– Да ладно. Помню, после моего отказа ты переспал со всеми моими подругами. Они столько рассказывали о тебе. И я тогда решила, что правильно сделала, что послала тебя подальше – зачем мне бабник?

– Кажется, ты не поняла ничего. Ни тогда, ни сейчас.
 – Что не поняла? Я ничего не потеряла – у меня муж дипломат, я упакована по всем статьям, хорошие дети, видела мир. А ты дорос только до этого кабинета. Даже музыкантом не стал. – Риад промолчал. – Итак, мы договорились – завуч?
 – Договорились. Я отдам все распоряжения, а ты принесёшь свои документы.
 – Сколько стоит должность директора, нам приблизительно сказали. А сколько должность завуча?
 – Тебе это не будет стоить ничего. Мой подарок, – Риад почему-то нехорошо ухмыльнулся.
 – Я поняла, никаких денег. Значит, другое, – Айла тяжело поднялась с кресла, поднялся и мужчина. Женщина медленно приблизилась к нему, встала почти вплотную и начала не спеша расстёгивать блузку.
 – О-ля-ля! – присвистнул Риад, – ты хочешь расплатиться здесь и сейчас?
 – А чем это место хуже других? И зачем тянуть? Я не люблю быть в долгу, – она протянула руку к вороту его рубашки. Риад перехватил её и жёстко сказал:
 – Я благодарен тебе, что ты тогда отказала мне.
 – Благодарен? Почему?
 – Во-первых, потому, что я мог бы сейчас оказаться на месте твоего мужа, которому жена наставляет рога.
 – А во-вторых? – зло произнесла женщина.
 – Ты себя в зеркало видела? Из калашного ряда да в свиное рыло!
 Айла резко выдернула руку, развернулась и пошла к выходу, покачиваясь на высоких каблуках. Риад распахнул перед ней дверь и сладким голосом сказал:
 – Ханым, подойдите к моей секретарше. Она вам скажет, какие документы необходимы. Приказ будет готов уже завтра. Желаю вам удачи на новом месте.
 Мужчина закрыл дверь, опустился в кресло и, потирая область сердца, пытался понять: как его тело среагировало раньше, чем он успел узнать Айлу? Среагировало точно так же, как много лет назад на скамейке во дворе консерватории – невыносимая боль поднялась в груди, сжала горло и тоской разлилась по телу... Любил ли он Айлу? Да, ту юную девушку, которую он сотни раз рисовал, проникая в её душу и думая, что понимает её... Он вспомнил мультфильм, который видел в детстве: там ведьма превращалась в красавицу, а потом снова становилась старой и страшной... Риад засмеялся, и боль неожиданно прошла.

*Мои глаза в тебя не влюблены, –
 Они твои пороки видят ясно.
 А сердце ни одной твоей вины
 Не видит и с глазами не согласно.*

*Ушей твоя не услаждает речь.
 Твой голос, взор и рук твоих касанье,
 Прельщая, не могли меня увлечь
 На праздник слуха, зренья, осязанья.*

*И все же внешним чувствам не дано –
 Ни всем пяти, ни каждому отдельно –
 Уверить сердце бедное одно,
 Что это рабство для него смертельно.*

*В своем несчастье одному я рад,
 Что ты – мой грех и ты – мой вечный ад.*

В.Шекспир. Сонет 141

Риад медленно двигался на своём громадном джипе в городской пробке, направляясь в детский сад за внуком. Два часа назад дочь попросила забрать его, так как у неё на работе случился какой-то аврал.

– Папа, пожалуйста, забери Риادا. Муж тоже не может, он в море. А вечером я сама заеду к вам за ним.

Когда родился этот мальчик, дочь спросила:

– Папа, можно мы дадим ему твоё имя? Фамилию не получается, но мне так хочется, чтобы он в чём-то походил на тебя – ты такой красивый и умный, такой талантливый, и я очень люблю тебя.

– За таланты?

– Нет, просто люблю – ты мой папа.

Естественно, Риад согласился. И этот мальчик стал его любимцем.

Риад ждал внука в уютном дворике детского сада, приготовив киндер-сюрприз, который мальчик любил за смешные неожиданности внутри шоколадного яйца. Внук вышел из двери за руку с симпатичной девочкой.

– Дед, это моя невеста, знакомься. Её зовут Айла! – Риад поперхнулся, но, справившись, протянул девочке руку.

– Ты очень красивая.

– Меня назвали, как бабушку, вон она идёт, – и малышка показала на дверь. Из неё выплывала грузная постаревшая Айла, давно перешагнувшая стокилограммовый рубеж.

– Пока, детка, до завтра, мы спешим, – сказал Риад и, не желая встречаться с прошлым, взял внука за руку и быстро пошёл к машине. Но мальчик вырвался, подбежал к подружке, чмокнул её в щёчку и закричал на весь двор:

– Чао-какао, Айла! Я тебя люблю! – потом, догнав деда, уверенно зашагал рядом. – Жаль, долго ждать, когда вырасту. А то бы мы сейчас женились.

У дверей автомобиля Риад-старший обнаружил у себя в руке киндер-сюрприз, который уже изрядно подтаял. Он протянул его внуку.

– Ну, дед, как ты забыл про него? Теперь шоколад весь размажется. А, это из-за Айлы? Знаешь, я тоже всё забываю, когда вижу её.

По дороге домой мальчик осторожно разворачивал конфету, чтобы добраться до игрушки, а дед размышлял. «Через много лет его внук и её внучка ходят в один и тот же детский сад. И именно его внук влюбляется в её внучку. И зовут их так же, как и их, – Риад и Айла. Что это – случайность? Или это какой-то неведомый закон бытия – всё, что деды не сделали, внуки доделают?»

Размышления мужчины прервал возглас мальчика:

– Дед, смотри, какая свинка! – он, наконец, освободил игрушку из яйца и протягивал ему.

На ладони мальчика лежал маленький смешной поросёнок. Риад рассмеялся:

– Со свиным рылом да в калашный ряд!

– Что ты сказал, дед? Я ничего не понял.

– И не надо понимать, дорогой! Это уже не твоя сказка.

*И долго мне, лишённому ума,
Казался раем ад, а светом – тьма!*

В.Шекспир, из сонета 147